Она пришла к нам в редакцию и протянула исписанные красивым почерком два листа бумаги, смущаясь сказала:
- Вот, написала о маме моей.
Надежда Гавриловна Рузайкина родом из села Рыбкино Ковылкинского района. Волей судьбы оказалась в деревне Николаевка Дальнего сельского поселения, где отработала 17 лет учительницей начальных классов Николаевской неполной школы. Сейчас трудится в филиале № 6 КДЦ «Алмаз» - или проще говоря, заведующей Николаевским сельским клубом.

— Я сама теперь мама и бабушка. Но с годами не проходит чувство умиротворения, защищенности, когда я ее вспоминаю. Мамы давно уже нет, но ее слова живут в моем сердце. Часто она говорила: «Я самый счастливый человек на земле!» И следом перечисляла внуков и правнуков. Конечно, это было давно. Я сама была моложе и воспринимала эти слова поверхностно. И лишь с течением времени стала осознавать, простую мудрость материнских слов со всей их значимостью и пронзительным переживанием. Жизнь преподносила нам такие сюрпризы, что не хотелось ни петь, ни смеяться.
Но все это было ничто в сравнении с тем, что пережила моя мама. Многое ей пришлось вынести и испытать: военные годы и тревожные ожидания отца с фронта, заботы о большой семье, послевоенную разруху, когда порой в доме не было даже корки хлеба. И вот все дети выросли и разлетелись по своим гнездам. А мама терпеливо ждала нас, самых дорогих гостей, помогала поднимать внуков. Заходя в комнату, что раньше была детской спальней, вспоминаю один случай. Воспоминание такое яркое, что приобретает как бы материальную оболочку. Эта комната как оберег от всех недобрых сил и обстоятельств. Легко и отрадно становится на душе, войдя в нее.
В большом доме детская всегда была самым уютным уголком. Там и мамина кровать стояла.
Было лето. Однажды началась сильная гроза. Все побросали свои привычные занятия. В такой момент хотелось укрыться от грохота грома и зловещих молний куда-нибудь в безопасное место, чтобы не испытывать жуткого страха.

Мама нас не звала к себе в свою комнату. Я и мои дети сами пришли к ней, сели рядышком на кровать и стали молча сидеть, глядя в окно.
Что творилось на улице!
Вот сверкнула молния, разорвав надвое свинцовое небо. Через одну-две секунды грянул такой удар грома, что затряслись стекла в окне, а в уши ворвался ужас. Мы робко прижались друг к другу и сидели тихо. Иногда дети поглядывали на бабушку. Лицо ее было спокойно.
Хорошо помню то тревожное чувство, которое испытала в те минуты, но была уверена, что с нами ничего не случится.
Теперь я не только предполагаю, но уверена в том, что в тот момент всеобщего смятения мама молилась за нас, не показывая своего волнения. А самое главное, ее молитва не только влияла на наши ощущения, она отводила беду от нашего дома.
Гроза прошла, и мы вышли из комнаты. Весь страх рассеялся в считанные минуты, и об этом ужасе уже никто не вспоминал. Только мама оставалась сидеть в своей комнате так же тихо, как и тогда, во время грозы: она продолжала молиться и благодарить Господа за благодать, ниспосланную на детей.